

Виктор Венцель

И пришел жнец

Plaga
Lakrimam

Часть четвертая

18+

Виктор Венцель

И пришел жнец. Plaga Lakrimam

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Венцель В. Д.

И пришел жнец. Plaga Lakrimam / В. Д. Венцель — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-98399-1

«Plaga Lakrimam» - четвертая история цикла «И пришел жнец», повествующая о приключениях церковного умертвителя Кайетана Эйнарда и его друзей. На этот раз, жнецу предстоит оказаться на темных улицах мрачного города Валенквиста и столкнуться лицом к лицу с загадочной болезнью, пришедшей в эти места. Удастся ли ему удержать, рассыпающийся на части мир? Как погасить пламя вражды между противоборствующими орденами? Чем придется пожертвовать убийце для спасения невинных? Времени на ответ совсем мало. Близится шторм. Грядут темные времена...

ISBN 978-5-532-98399-1

© Венцель В. Д., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

1	6
2	10
3	16
4	19
5	21
6	25
7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Виктор Венцель

И пришел жнец. Plaga Lakrimam

«Если плюнуть через левое плечо три раза и постучать по дереву, а после сказать «Катись ты к Дьяволу!», жнец не осмелится поднять на тебя руку. Однако, если его стукнуть крестом или палкой, как утверждают некоторые, эффект может оказаться противоположным»

Рэм Равий «Народные поверья и приметы»

«Список Жатвы (или трупное письмо, как чаще его называют в народе) – официальный документ церкви Атеизма, являющий собой перечень имен тех людей, чьи жизни надлежит немедленно прервать для соблюдения Равновесия. Может включать в себя от одного до целой сотни кандидатов, тщательно взвешанных и отобранных князьями церкви и Пророками. Передается в населенные пункты через Орденатории и жнецов. Список подписывается градоправителем, который обязуется оплатить услуги церковного умертвителя и оказать тому всю необходимую помощь. Стоимость каждой жизни рассчитывается отдельно, но не должна превышать монеты, номиналом больше одного золотого дракона»

Глава 4, параграф 8. Список Жатвы и его последствия.

Многотомник «Жнец и общество»

1

В воздухе пахло грозой. Тяжелые серые тучи окутали низкий небосклон, клубились над кронами тоскливых деревьев, катились подрагивающей вязкой, как слизь, лавиной над ухабистой петляющей дорогой, многозначительно перемигиваясь далекими отблесками голубых молний там и тут. Тусклые тени плясали перед колесами старенького скрипящего дилижанса, солнце, все больше напоминающее гаснувший огонек свечи, упрямо пряталось за пелену рваных сине-черных портьер из облаков, горизонт казался смазанным и неясным, словно в дурацком сне. Гроза медленно, но уверенно надвигалась на Ростальф, следуя за мною по пятам.

Непогода застала меня еще на южном тракте, откуда я с наслаждением продолжил путь, оставив позади Вингард, Эрмивальд и Глосгерн, чудом выбравшись живым из различных переделок, которые, как казалось, поджидали меня на каждом пути. Ближе к Миирну, городу политиканов и бюрократов, мне удалось найти подходящий экипаж за скромную плату и путь до Ростольфа, где была объявлена Большая Жатва, мне наивно представлялся безмятежным и спокойным. Впрочем, загадывал я абсолютно зря. С экипажами мне упорно не везло. Возница отказывался ехать наотрез, бормоча что-то о великом зле и море, которые, по слухам, пробудились на пути в город, но увесистый звенящий золотом мешочек изменил его решение.

В мор и зло мне верилось с трудом, а вот в белую горячку – целиком и полностью. Извозчик, как мне удалось заметить, питал большую страсть не только к деньгам, но и к крепленным алкогольным напиткам, которыми пропахла вся разваливающаяся карета. Именно поэтому, на все вопросы, касательно пробудившегося зла я не получил ни одного вразумительного ответа. Оттуда пришел к выводу, что единственным злом здесь был и оставался только алкоголь.

Порывистый ветер, прохлада и серое небо, стремительно укрывающееся периной грозовых туч, настигло меня на половине пути до места назначения. Дорога, обезображенная войной и наплевательским отношением властей, и так была не слишком-то пригодна для передвижения на такой развалюхе, как этот дилижанс, но теперь, она грозила превратиться в настоящее болото с первыми потоками дождя. Угрюмый и ворчливый возница шипел проклятья, поглядывая на небо, злорадно обещая, что до Ростольфа мы уже точно не доберемся в срок, и наверняка завязнем в этой глуши, на растерзание зверью и вору, которых здесь водилось в избытке. Несколько мелких монет несколько подняли его боевой дух, но явно не способствовали решению всей проблемы: карета скрипела и дребезжала, колеса кренились из стороны в сторону, исхудавшие кони только чудом держались на ногах.

Приблизительно так же мне повезло и с прошлым возницей, бросившем меня возле ворот Вингарда некоторое время назад под палящим солнцем, так что в этой касте я был разочарован чуть больше, чем полностью.

Я тоскливо разглядывал исчезающие за окном размытые пейзажи, безо всякого удобства расположившись на жесткой скамье жалобно дребезжащей кареты, которую отчаянно шатало из стороны в сторону, трясло и безжалостно швыряло, словно бумажный кораблик в бурном ручье. Настроение у меня было не из лучших. Отвратительнейшая дорога, уродливая карета, скряга извозчик и полная неизвестность в дальнейшем, выводили из себя, заставляя смотреть на окружающий мир с неприязнью и недовольством.

Церковь объявила Большую Жатву, выдернув меня, как, наверное, и всех отошедших от дел жнецов в город Ростальф, считающийся негласной столицей Аинарде. Что могло случиться, и зачем ордену понадобилось такое колоссальное количество умертвителей, оторванных от своих обычных дел, оставалось настоящей загадкой. Последний раз, подобное имело место быть в городке с отвратным названием Мортруд, после некоторых событий в котором, я чуть не лишился своего церковного сана и не провел двадцать бесконечных лет в тюрьме

для отступников и нелегализованных убийц. Не было ничего удивительного, что подобного рода сборища не вызывали у меня ничего, кроме недовольства и подозрительности, но приказ сверху был неоспорим – идти против воли ордена не рискнет ни один здравомыслящий человек. Впрочем, выбора у меня и не было.

Дальше ситуация слегка прояснилась, но отнюдь не стала проще. Через день утомительной дороги, нам повстречался торговый караван, мчащийся в обратном направлении, прочь от Ростольфа, на взмыленных лошадях. Обилие тюков, ящиков, мешков и коробок красноречиво убеждали в том, что произошло нечто из ряда вон выходящее, раз даже падкие на золото лихие торгаши бегут от города, будто от огня. Так бегут ни от разбойников или дезертиров, а так бегут от смерти. Я велел вознице замедлить ход и окликнул несчастного, глядящего на меня, как на идиота.

Перепуганный торговец, отчаянно прижимая к груди некий священный талисман, болтающийся на шее, нехотя поведал нам, перемежая свой рассказ истериками и заиканием, что на ближайший город к Ростальфу, с гордым названием Валенквист, обрушился мор. Что представляет собой этот мор, какие последствия он несет и что по этому поводу предприняли власти Аинарде и Церковь, вытрясти из нового знакомого так и не удалось. Подобные бедствия редко обрушиваются на эти земли. Скорее уж Ашахан, со своими раскаленными песками станет жертвой загадочного мора, чем Аинарде, равноудаленное от всех опасных мест, поэтому словам торговца я верил слабо. Возможно, он сам не слишком понимал, что происходит и потому приврал, а быть может – тронулся умом. Тем не менее, факт оставался фактом. Это объясняло Большую Жатву, объясняло экстренность и секретность, с которыми нам пришел вышеупомянутый приказ, но вовсе не делало мою работу проще или приятнее.

До Ростольфа я добрался спустя несколько часов, пребывая в самом скверном расположении духа, какое, наверное, только вообще возможно, измученный дорогой и сетованиями извозчика, который не умолкал ни на минуту, жалуясь на свою несчастную жизнь. Мне пришлось больше часа проходить проверку верительных грамот и писем, где каждая подпись у стражников вызывала удивление, а любая печать – подозрение. Я никогда не любил Ростальф, и мой последний в него визит никак не изменил этого мнения. Когда меня наконец-то пропустили через посты, я приказал извозчику ждать, пригрозив своим трупным письмом, и поспешил по делам, пробиваясь через толпу горожан. Орденатория Церкви, где всегда отмечались жнецы по прибытии в город, тоже решила действовать на нервы. Как стало известно, мне повезло разминуться с остальными жнецами, призванными на Большую Жатву почти на половину дня, и теперь предстояло катиться в ближайший город Валенквист, куда был перенесен штаб Равновесия. Мрачная бледная девушка, занимающая в Орденатории должность консультанта, поведало мне, что сбор церковников – дело первостепенной важности, поэтому к Жатве было решено приступить раньше срока. На мои вопросы касательно мора, она ответила утвердительно, но подробности так и остались загадкой.

Я покидал Ростальф с плохими предчувствиями. Церковь, обычно, никогда так не спешит. Даже сталкиваясь с самой серьезной задачей.

Я долго раздумывал над тем, что могло произойти в Валенквисте, пока мы не натолкнулись на первый след, повернув на очередной развилке, где пролегалла дорога напрямик до города. Ошибиться было невозможно. Когда-то здесь располагался постоянный двор «Полпути», славящийся своей кухней, выпивкой и различными утехами, но теперь он мог похвастаться только гнилью и трупами, коими был завален двор.

Стаи воронья я увидел еще издали. Хриплые крики падальщиков разносились над всей округой, гремели, словно гром в небе, звучали зловещим аккомпанементом для отвратительного тоскливого зрелища, превратившим эти места в настоящий кошмарный сон. Первое, что бросилось в глаза, когда богохульствующий возница, слегка придержал лошадей, была тяжелогруженная повозка, над которой кружились тучи навозных мух и мелкой мошкеры. Борта телеги

были не слишком-то высоки, чтобы скрыть от случайного зрителя обезображенные черно-зеленые тела, лоснящиеся густой, как патока, слизью. Жирные мухи ползали по раздутым трупам, деля невероятную добычу. В душном воздухе пахло разложением и дымом.

Возле телеги стояло трое стражников, в полном обмундировании, сжимая в руках древки алебард и тяжелых пик. Лица их, казалось, были высечены из мрамора или гранита. Еще четверо стражей держалось на почтительном расстоянии от процессии, еще трое патрулировали дорогу, преградив путь нашему дилижансу. Здесь уже начиналась другая вотчина.

Здание некогда известной таверны посерело и поблекло. Казалось, некий невероятный каприз высших сил вытянул все краски и оттенки из зеленой травы, диких камней, разномастных цветов, коими были полны клумбы и тропинки, срывая все разнообразие единым багрово-серым покрывалом. В воздухе плыло гнилое зловоние.

Немного поодаль от этой ужасной картины расположились несколько лекарей, которых можно было отличить по длинным черным плащам и уродливым маскам с длинными птичьими клювами. Сквозь поблескивающие стекла окуляров, из под черных широкополых шляп, доктора безмолвно наблюдали за траурной процессией, шествовавшей от входа в покинутую таверну, до мрачной телеги. Двое дюжих молодцов, лишенных, как рубах, так и малейшей защиты от неведомой заразы, волокли грубо сколоченные носилки, на которых покоились небрежно брошенные тела. Рука одного из мертвецов свесилась вниз, упорно цепляя пожелтевшую скудную траву, голова другого, лишенная всех человеческих черт, откинулась в сторону, раскрыв почерневший рот в безмолвном крике. Носильщики достигли телеги, с размаху перевернули носилки, вышвырнув, словно падаль, мертвецов, на гору гниющих трупов, застыли на месте, разглядывая результат своей работы. Один из лекарей безмолвно указал им на носилки, затем ткнул пальцем на вход в таверну. Работа была только начата.

– Дорога перекрыта. Пути нет, – пробасил рослый дозорный, перегородив путь дилижансу древком длинной алебарды, – Возвращайтесь в город, милорд. Приказ графа.

– Граф меня не волнует, – фыркнул я, протянув стражнику пакет документов из своей заплечной сумки, – Церковь созвала большую Жатву. Ваш граф, кем бы он там ни был, едва ли хочет препятствовать слугам Равновесия.

Стражник перехватил бумаги, задержал взгляд на церковной печати, пробежался глазами по руническим строкам, устало сплюнул под ноги.

– Могу я взглянуть на оружие, жнец? – спросил он хрипло, возвращая документы в открытое окно дилижанса, – Многие из ваших уже проезжали этой дороги, но о вашем прибытии меня не предупреждали. Мы думали, что встретили всех.

Черное изогнутое лезвие тонкого серпа, освященное затейливой церковной руной, было более чем убедительно. Дозорный кивнул головой, подтянул к себе алебарду, освобождая проезд.

– До Ростольфа менее десяти лиг. Держитесь центральной дороги на север, не сворачивайте никуда, и доберетесь до города за полчаса. Если выберете путь направо, с первой развилки, доберетесь до Валенквиста, если пути еще не перекрыли окончательно.

– Значит, жнецы уже занимались вашей проблемой с... мертвецами? – осведомился я, указав взглядом на зловонную кучу трупов, над которой кружился оглушительно жужжащий рой мошкары.

– Конечно, даже отправили к нам небольшой отряд, – протянул дозорный, снова сплюнув под ноги, – Мы не отказывались. В такой ситуации, любая помощь в радость. Не изволите помочь с переноской трупов?

– Не изволю. Будто больше мне нечем заняться, – я посмотрел на стражника, как на сумасшедшего, даже не выбираясь из кареты, и он обиженно умолк, – Лучше расскажи мне, что здесь произошло? Есть свидетельства?

– Равновесие их разберет, – буркнул дозорный, боязливо покосившись на опустевший мертвый дом постоянного двора, – Настоящий мор. Наказание небес за наше зазнайство и спесь. Верно говорят верующие. Двенадцать трупов менее чем за сутки. Разве это не признак высшей воли?

– Нет, не признак. Мне нужны конкретные факты, а не глупые домыслы. Есть, что сказать по этому поводу?

– Если нужны факты, то езжайте в Валенквист, – огрызнулся дозорный, – Ваши сослуживцы как раз туда и отправились, ибо больше тут ехать некуда. Новости распространяются быстро.

– Скажи мне, что там, в этом городе? Что в Валенквисте?

– Вы, что, не слышали новостей за последнюю неделю? – фыркнул стражник, поглядев на меня, как на сумасшедшего, – Не знаете о том, что произошло? Вы с луны свалились?

Чертова неделя, проведенная в Вингарде, под колпаком магической силы дает о себе знать даже сейчас. Я тихо выругался, покачал в ответ головой.

– Оттуда пришел мор, парень, – вздохнул дозорный, явно ожидавший от меня более вразумительных объяснений, и добавил с видом мудреца, толкующего тайны мироздания – Наказание Божье.

Я скривился, передернул плечами и велел вознице трогаться с места.

2

Чем больше мы отдалялись от места трагедии, разыгравшейся на месте постоянного двора, тем сильнее портилась погода. Густые клубящиеся тучи катились над самыми кронами тоскливых деревьев, иглы молний неистово кололи брюхо низкого небосвода, издали долетали глухие, еще пока едва различимые раскаты грома. Порывистый ветер трепал седые волосы возницы, завывал в щелях кареты, поднимал в воздух пелену пыли и песка. Хотелось бы добраться до города, прежде чем погода испортится окончательно, да и ждать церковные сановники не слишком-то любят. Нужно поторопиться, если не хочется промокнуть до нитки в этой дырявой повозке, годной разве что на перевозку трупов зараженных до ближайшего костра. Пройдет еще немного времени, и бушующий потоп рухнет на изможденные жарой земли, превратив засушливый ад в топкое грязное болото.

За окнами кареты, неведомая сила высасывала крохи красок и оттенков из травы, деревьев и цветов, щедро размазывала серость и безликость на некогда зеленых просторах, выплескивалась черно-багровыми каплями, растекалась туманными разводами по обочинам и камням неровной дороги. Деревья все больше напоминали обглоданные скелеты, пожелтевшие кусты – скрученную и ржавую проволоку. Сладковатый запах гнили висел в густом тягучем воздухе.

Все, что открывалось мне с каждым новым крайном дороги, нравилось мне все меньше и меньше. Природа способна реагировать таким образом только на одно явление в нашем безбожном мире – выплески некроэнергии, случающиеся на местах чудовищных бедствий, невообразимых трагедий и невероятных катастроф. Одна смерть, и последующее за ней перерождение, по сути своей, незначительны. Последствия их незаметны глазу. Но если речь идет о десятках, если не сотнях погибших, энергия смерти начинает проявлять себя не только в высоких слоях мира, магических колебаниях, но и в мире физическом, искажая, уродуя и убивая все, до чего может дотянуться. Некроэнергия не может повлиять на жнецов, ибо мы защищены от нее особыми татуировками, отражающими любую попытку воздействия, но обычные люди, для такого случая – лакомая добыча. Не было ничего удивительного, что спустя несколько минут, возница начал жаловаться на тошноту и головную боль, проклиная последними словами тот момент, когда он согласился доставить пассажира в Ростальф, а после в Валенквист. Ему чертовски повезло только краткосрочно окунуться в магический полог некроэнергии такой концентрации. Останься он в этих местах хотя бы на час, энергия смерти сломала бы его волю, лишила рассудка и выжгла все эмоции. Тогда мир получил бы очередного шатуна – полумертвого вечно голодного монстра, скитающегося по темным пещерам и развалинам до тех пор, пока его не найдет уравниль или жнец, чтобы упокоить несчастное создание окончательно и бесповоротно.

Именно для этого существуют жнецы – защищать людей от темной стороны магической силы и вершить их судьбы от имени всемогущей Церкви.

В правоте своих суждений, я убедился за следующим поворотом дороги, где у обочины виднелся перевернутый торговый обоз и темные силуэты облаченных в броню стражников. На этот раз, это было уже не местное ополчение, а профессиональное военное подразделение, что было из ряда вон выходящим событием. Видимо, ситуация с мором была намного серьезнее, чем мне поведали изначально. Возле развалин повозки, растекалась густая зловонная лужа. Не меньше десятка обезображенных раздутых трупов лежали прямо на дороге, укрытая обрывками мешковины, содранной с пострадавшей телеги. Жирные мухи лениво жужжали в душной тишине.

На мой вопрос о перерождении, и предложении соответствующих услуг, дозорные ответили отказом, поведав о проезжавшем здесь жнеце, незадолго до меня. От отряда я отставал меньше, чем на час, но это не значило, что время мое было неограниченно.

Стражники нехотя рассказали о том, что дорога впереди перекрыта по приказу графа и пересечь аванпосты не выйдет даже имея на руках все документы Церкви и весь арсенал Церковного оружия, с князьями этой самой церкви во главе. Мор начался несколько дней назад, но уже успел перерасти в настоящее бедствие. Власти Аинарде, узнав, что грозит этому королевству, поспешили локализовать угрозу, оцепив зараженный участок отрядами регулярной армии и бросив в это чумное пекло десятки своих лучших докторов. Наивная попытка скрыть от общественности зарождение глобальной катастрофы, грозила вот-вот лопнуть, как гнойный пузырь, выпустив в Аинарде панику, истерику и паранойю. Дозорные нехотя пропустили меня, упомянув об опасностях оставленной всеми дороги. Из их слов, мне удалось сделать вывод, что жнецы пребывают в Валенквист, вот уже несколько дней, стягиваясь в город со всех концов королевства.

Не было ничего удивительного в том, что церковь предпочла бросить свои основные силы на решение этого чудовищного вопроса с самого начала, прекрасно осознавая, что заражение населения является, по сути своей, только половиной, если не третью всей этой проблемы. Перерождение зараженных, обеспеченное неимоверным источником некроэнергии в одном незначительном месте, было намного страшнее.

Следующий участок дороги мы преодолели в полнейшей тишине, миновав еще один блокпост и несколько сторожевых точек. Документами здесь уже никто не интересовался, услышав только слово «Церковь», но реагировали на это холодно и с неприязнью. Мертвые выцветшие травы, высохшие перекрученные и обезображенные деревья, запах гнили, пропитавший и въевшийся в каждый сталл дороги окружали наш дилижанс со всех сторон, упрямо сжимая и без того тугое кольцо. Концентрация некроэнергии здесь была чрезвычайно высока, и все увеличивала свои силы, пока мы приближались к городу, затерянному среди Аинардских лесов и холмов.

И все-таки, уйти от дождя мне так и не удалось. Когда до Валенквиста оставалось меньше нескольких лиг, оглушительный гром расколол грозовое небо на сверкающие осколки молний, ударил всей силой по притихшему тракту, прокатился лавиной высоко над головой. Белые отблески застыли в выкованных из свинца небесах, ослепили, распустились цветами, разгорелись, словно свечи. Одновременно с этим, порыв ветра тряхнул ненадежный картонный свод, обрушив на землю искаженное стекло холодного тугого потока. Дождь ударился о землю, разбился брызгами, как кривое зеркало, заплясал на крыше кареты, зашумел в высохшей траве, потревожил мертвые ветви скрученных деревьев, зашептал на сотни голосов в оглушительной тишине. Природа могла просто смыть Валенквист с его мором с лица земли, но упорно не желала этого делать.

Возница, подняв воротник дорожной крутки остервенело гнал испуганных лошадей, я внимательно вглядывался вперед, в растущую на горизонте громаду зараженного города, когда мое внимание привлекли два крохотных силуэта, тщетно старавшихся укрыться от дождя под голым скрипящим дубом. Неизвестные путники, вне всякого сомнения держали путь в Валенквист, но непогода застала их на подходах к городу. Они бы могли достичь города вовремя, если бы их руки не занимали тяжелые сумы. Карету заметил один из мужчин, энергичными жестами призывая остановиться. В Валенквист никто не спешит, кроме докторов и умертвителей, а отряды дозорных, как я могу убедиться, зорко следят за тем, чтобы город не покинула ни одна живая душа. Обычное дело, но что-то заставило меня затормозить дилижанс, велел вознице подобрать пилигримов. Извозчик долго шипел проклятия, но, видимо, вспомнив о вознаграждении, которого так легко можно лишиться, наконец, согласился.

Спустя минуту двое неизвестных сидели в дилижансе напротив меня, отряхивая промокшие дорожные одежды от дождя, а карета со скрипом катилась к Валенквисту, подпрыгивая с жалобным треском на каждом ушибе и трещине. Моими новыми знакомыми оказались представительного вида полноватый мужчина, облаченный в выдавший лучшие времена, кожаный камзол и стоптанные ботинки, и высокая худощавая девушка в выцветшем дорожном костюме, подстриженная так коротко, что я сперва принял ее за юношу. На ее тонкой шее болтался огромный тусклый карбункул, оправленный в черненное серебро.

Мужчина носил массивные хрустальные очки, золотые карманные часы, одет был бедно, но опрятно, что позволяло прийти к выводу, что незнакомец обнищавший чародей или ученый, привыкший к роскоши, и отчаянно не желающий расставаться с ее последними атрибутами – манера держаться и вести диалог на чистой общей речи говорило в пользу интеллигентности и благородных кровей. Он без стеснения оглядел меня с ног до головы, задержал взгляд на серпе, прицепленном к поясу, холодно и коротко улыбнулся, однако глаза его оставались непроницаемыми и настороженными.

Девушка оказалась замкнутой и молчаливой. Она не проронила ни слова, только сдержано кивнула головой. Огромные серые глаза смотрели с тревогой. Ее правильное, почти красивое лицо портил уродливый давнишний шрам, переходящий с шеи на правую скулу. Асимметрично постриженные золотистые волосы должны были скрывать этот дефект внешности, но дождь сводил такие попытки на нет. Ее лишённые украшений руки, сомкнутые в замок, красноречиво повествовали о том, что вести разговор она не намерена. Неизвестная смотрела в проплывающей за искаженным окном тусклый серый пейзаж, словно ничего больше в этом мире не имело для нее никакого значения.

На супругов они не походили никак, поэтому, сперва я принял их за отца и дочь, оказавшихся в плохое время в плохом месте, но после отказался от этой идеи. Отсутствие малейшего сходства и манеры поведения говорили совсем об обратном.

Путники имели с собой две громадные тяжеленные сумки и крохотный походный саквояж на металлическом замочке, покоящийся на коленях моего нового спутника. Едва заметное выжженное на коже саквояжа клеймо убеждало меня в правоте моих первоначальных взглядов

– Благодарю, что велели извозчику остановиться, – заявил мужчина в очках, вместо приветствия, – Я уж думал, что в наше время хорошие манеры, как и элементарная вежливость себя полностью изжили, как некий анахронизм. Не ожидал, что этой дорогой пользуются уважаемые люди. Спасибо вам за человечность. Однако, о чем это я? Мое имя Аврил Маккер, а это моя спутница, Ланиэль Девер, моя помощница и ученица.

Рукопожатие было крепким, деловым. Девушка коротко улыбнулась, поспешно отвернувшись в сторону.

– А я – Кайетан Эйнард. Какими судьбами вы оказались в этом месте, господин Маккер? Сейчас не слишком хорошее время для путешествий.

– Я никакой не господин, – отмахнулся Аврил, словно услышав чудовищное богохульство, – Кайетан, называйте меня по имени, и давайте избежим этих ненужных условностей. Итак, ответу на ваш вопрос, я – ученый, и в Валенквист я направляюсь не на прогулку или отдых, как вы можете понять.

– Вы – алхимик, – это был не вопрос, а утверждение, и он не требовал ответа, но Аврил усмехнулся.

– Верно. А вы очень внимательны к мелочам, – он мельком взглянул на клеймо, выжженное на боку своего саквояжа, – Правильнее будет сказать, что алхимиком я был, и даже состоял в одноименном братстве, пока не решил проводить свои эксперименты и опыты отдельно от общественности. Ибо общественность мои методы не одобряет.

– К примеру, соваться в наполненный чумой город, верно?

– Дорогой мой, Кайетан, – вздохнул Аврил, посмотрев на меня, как на нерадивого ученика, – Вы оперируете такими терминами и названиями, о которых имеете только поверхностные познания, или вовсе не имеете никакого. В Валенквисте не чума.

– А, что тогда?

– Вот это, я и собираюсь выяснять, – попытожил алхимик, но тут же спешно поправился, – Вернее, мы с Ланиэль собираемся выяснить. Вы понимаете меня?

– Отчасти. И все-таки, не слишком ли это большой риск?

– В сфере науки, тем более, медицины, – сухо произнес алхимик, – Не существует слишком больших рисков. Бывают слишком большие потери, бывают слишком большие жертвы, когда гибнут и взрослые, и дети, потому, что ученые не решились на какой-то отчаянный шаг. Наука должна спасать жизни, а не стоять в стороне, когда творится подобное, что в Валенквисте. Вы – жнец, я верно понял клеймо на серпе?

– Церковный умертвитель, Аврил.

– Могу я быть с вами откровенным, Кайетан?

– Конечно.

– Очень иронично складывается жизнь. Я, вот, всегда презирал жнецов, презирал Церковь и ненавидел таких, как вы, – холодно улыбнулся Аврил, наблюдая за мной, сквозь хрустальные линзы очков. Голос его звучал ровно и холодно, – А теперь мы вместе, в одном экипаже, и я обязан церковному убийце, что он проявил человечность и не оставил нас под ливнем. В любопытные времена мы живем, Кайетан. Прошу вас, не принимайте на свой счет сказанное мной. Это образное выражение, и никак не относится к вам конкретно, а лишь обобщает все данные сферы в одну. Скажем так, мне отвратительно ваше ремесло, как человеку, который посвятил всю свою жизнь спасению жизней других. А в результате, приходит один из вашего братства...

– Ордена.

– Из вашего ордена, и перерезает спасенному мною человеку глотку, потому, что так велела Церковь. Это верх нелогичности. Доктора врачуют, а вы убиваете, сводя их труд на нет.

– Я очень ценю искренность. И мне нечего предоставить в ответ. Я не буду оспаривать ваше мнение.

– Этим вы доказываете, что вы вовсе не запрограммированная машина для убийства, коими вас считает две трети людей, – вздохнул Аврил, – Впрочем, то, что понимает один человек, не изменяет остальной человеческой глупости. Я понимаю значимость вашей работы, как защиты от перерожденных, от некроэнергии, от проклятий темной стороны, но ничего не могу поделать со своими убеждениями, простите старика. И едем мы в одном дилижансе с абсолютно разными целями: вы едите убивать зараженных, а я – чтобы найти исцеление несчастных. Видите, как в мире все переворачивается с ног на голову.

– Что же, стремление заслуживающее похвалы. И, как вы планируете воплотить задуманное, если мы уже уходим в философские и моральные догмы?

Ланиэль внимательно прислушивалась к нашему разговору, но не проронила ни слова. На ее красивых губах играла слабая улыбка. Видимо, глобальные идеи старика немало веселили.

Аврил тяжело вздохнул, еще раз бросил взгляд на рукоять клейменого серпа, сцепил руки в замок, вращая большими пальцами.

– Скажем так, мой дорогой Кайетан, – произнес он с суровым видом, – Много-много лет назад, еще до вашего появления на свет, далеко на юге Аинарде стояло небольшое поселение, известное, как «Харгдольф». Тихое местечко, так любимое пилигримами-старообрядцами за обилие древних артефактов и святынь, вокруг которых воздвигали часовенки и храмы. Не пытайтесь вспомнить, его уже давно удалили со всех карт и теперь, о его существовании помнят только единицы. Маленький уголок покоя, которому никогда ничего не угрожало.

– Но?

– Но, однажды, в поселение пришла загадочная эпидемия мора. Мор выкорчевывал живых, как великан из сказки выкорчевывает деревья. Мор обращал в гной и разложение все, до чего мог дотянуться. Мор похоронил все в трясине гноя и топи гнили. Мор убил всех. И убил все, что только могло называться живым. Да что там! Даже храмы и часовни, подточенные гнилью обратились в пыль! Этот мор надолго запомнился всем живым. Его называли и «Черной смертью», и «Божественной лихорадкой», «Бархатным мором» и даже «Южным поветрием», но мир запомнил эпидемию, как «Серую Гниль». Самое страшное из виденных миром заболеваний.

– Продолжайте. Я слушаю.

– А дальше и продолжать-то нечего. Мор стер Харгдольф с лица земли. Сравнял все в единую мешанину из слизи и трупов. То, что не смогло сделать заболевание, закончили ваши коллеги-жнецы. Видите ли, Кайетан, у некоторых людей, сумевших перебороть заражение в собственном организме, выработался так называемый иммунитет к подобного вида заболеваниям. Прямой контакт с зараженными объектами, такими, как трупы и выделения больных, кровосмешение, воздушно-капельный путь, ничто не могло заразить самоисцелившихся повторно. В этом был и есть единственный ключ к созданию вакцины, панацеи, если хотите, от Серой Гнили и любого другого мора, способного поразить этот мир. Однако, Церковь считала иначе: все выжившие, а их было немного, были пущены под нож, как возможный источник последующего распространения инфекции. Разве не замечательная история?

– Церковь уничтожила поселение?

– Естественно, ведь на скамье в Аббатстве, вас не будут учить подобным вещам. Копните свои архивы, почитайте летописи, обратитесь к дневникам, датированным Серой Гнилью, если не верите мне. Я уверен, что жнецы преподносятся Церковью, как герои. Как последний рубеж, как единственный заслон, способный оградить мир от нападения Хаоса, если брать за Хаос всевозможное зло. Не говорите, что это не так, Кайетан. Не лгите мне, я знаю, о чем говорю.

– И не пытаюсь. В этом поселении... как его... в Харгдольфе, не осталось никого из живых, после рейда Церкви?

– Никого. Кроме мужчины и маленькой девочки, которые смогли перебороть инфекцию и выбраться из поселения, пока ваш орден принимал решение о зачистке территории. Не спрашивайте, как им это удалось. Они сумели не только покинуть зараженные места, но даже и затеряться от преследования. Как вы сам понимаете, в такие беспокойные времена, людям довольно трудно полностью сконцентрироваться на определенной задаче, а жнецы – всего лишь люди. Скажем так: мужчина и девочка спаслись от двух зол: мора и Церкви. Только это полностью изменило их жизни. Мужчина посвятил свою жизнь изучению подобных болезней, а маленькая девочка стала его ассистенткой и ученицей, чтобы суметь предотвратить в свое время... второй Харгдольф.

Алхимик посмотрел на меня поверх хрустальных линз очков, коротко кивнул в сторону безмолвной Ланиэль.

– Мы уже встречались с Серой Гнилью, мой дорогой Кайетан, много-много лет назад, – произнес он, словно других пояснений не требовалось, – И готовы столкнуться с ней сейчас. Я не такой, как мои коллеги по алхимическому и докторскому братству: они считают, что болезни необходимо изучать на расстоянии, ставить опыты, выгадывать возможные последствия каждого шага. Я считаю иначе: нельзя терять время, когда на кону стоят человеческие жизни. Нам было необходимо широкое поле для исследований, и в Валенквисте мы его получим. Чем больше возможностей для решения задач, тем скорее будут продвигаться исследования. Чем скорее будут продвигаться исследования, тем быстрее будет найдено лекарство. Это дело чести, если хотите.

– Благородная идея, хотя я не слышал, чтобы ваша помощница поддерживала ее.

– Ланиэль нема с детства, – сухо произнес Аврил, стараясь сохранить маску равнодушия, – Не извиняйтесь, вы не могли знать. Мне стоило рассказать об этом сразу, чтобы подобный дефект, не восприняли, как невежество и зазнайство.

Ланиэль согласно кивнула в ответ. Лицо ее было невероятно серьезным, словно вытесанным из камня.

– Причина немоты – Гниль?

– Именно она. До того момента, как организм Ланиэль смог победить инфекцию, Гниль совершила некоторые необратимые, по мнению большинства лекарей, изменения.

– По мнению большинства? Вы считаете иначе?

– Естественно. Все, что было повреждено, подлежит врачеванию в любом случае, – заверил меня мой собеседник, – Нет такой болезни, которую не может победить человеческий организм.

– И вы в это верите?

Алхимик самодовольно ухмыльнулся в ответ.

–Нет, юноша. Я это знаю.

3

Над Валенквистом кружили стаи воронья. Мрачное грозовое небо, разорванное кривыми зигзагами молний, рваным пологом грязной ваты нависало над тусклыми башенками и стенами зараженного городка, навзрыд рыдая потоками холодного мелкого дождя. Когда-то Валенквист был очень красив. Его по праву называли жемчужиной Аинарде, городом искусства и культуры, оплотом эстетики, сердцем современной интеллигенции, селением мастеров-художников, поэтов и архитекторов. Не смотря на то, что некоторые кровопролитные войны, нередко докатывались до этих земель, Валенквист смог сохранить свое величие и утонченность, что делало его желанным прибежищем для творцов всех мастей. Валенквист, как культурная столица, не располагался в самом сердце королевства, чего стоило ожидать, а был несколько сдвинут на запад, где долгое время пребывал в тени Ростольфа, прежде чем поток пилигримов и путешественников, не создал ему нерушимую славу. Можно предположить, что именно это и послужило началом мора: в Валенквист издревле стекались люди со всего света, пересекая реки и моря, пустыни и океаны, чтобы увидеть, запечатлеть или явить другим плоды собственных трудов, но уверенности в этом не было никакой. Нет смысла искать мотивы и причины, когда нужно так спешно и тщательно бороться с последствиями. Для всего есть свое время.

Не смотря, на долгие века, прошедшие с появления Валенквиста, задолго до злополучной Ночи Равновесия, город изменился только теперь. Это было заметно даже издали, когда наш дилижанс вынырнул из-за последнего поворота дороги, чавкая колесами в размытой жирной грязи. Необычайная архитектура, изящество и утонченность белокаменных крепостных стен сумели сохраниться, но потеряли свою изначальную девственную чистоту. Валенквист посерел, постарел и, словно, ссохся. Грязные потеки укрывали фасады домов, стекали по блокам цитаделей и монолитам донжона, расплескивались по бульжникам грязных мостовых. Если когда-то Валенквист мог вызвать восторг и трепет, то теперь единственной реакцией на него были тоска и жалость. Мор немало подточил его, вытягивая краски и цвета из белых камней, придорожной травы и древних деревьев, в которых город некогда утопал. Чудовищная воронка некроэнергии была здесь ощутима почти физически. Если бы не дождь, упорно сглаживающий пейзаж в размытое стекло, можно было бы увидеть легкие колебания воздуха, поднимающиеся прямо от иссушенной черной земли, ощутить сладковатый запах разложения и различить струйки темного тумана, изредка мелькающие среди высохшей травы. У всего, что происходит на ментальном уровне, обязательно есть отражение в реальном мире, особенно у такого могущественного и катастрофического явления, как некроэнергия. Если так пойдет и дальше, спасение города превратится в никому ненужную фикцию, потому, что и спасти будет некого, а жнецы устроят зачистку от оживших мертвецов в и без того мертвом городе. То, что не делает Серая гниль, завершит темная сила мертвой энергии. Прямо над городом, несмотря на бушующую грозу, рвущуюся по мокрому небу в гроыхающей упряжке, висело черное облако растревоженного воронья. Такое же черное, как и густой черный дым, поднимавшийся там и тут за крепостной стеной – тщетные первобытные попытки местных властей бороться с распространением заразы.

Возле въезда в Валенквист находился еще один пост дорожных стражей. Смятые флаги, промокшие кострища, вонь грязи и горелой плоти. Несколько перевернутых телег преграждали путь к городу, пара десятков солдат, в полном военном облачении хмуρο взирали на подъезжающий дилижанс. Где-то отчаянно ржала перепуганная лошадь, откуда-то доносились ругательства и крики, откуда-то раздавалось заунывное песнопение.

Одному из промокших рыцарей, скрывающему лицо под матовым серым шлемом, я протянул подписанные Церковью бумаги, Аврил же всунул тому в руки некий свернутый

документ, скрепленный громадной красной печатью алхимической гильдии. Бумаги изучались долго и тщательно, словно в это темное время слишком много желающих пробраться в обреченный город, после чего были возвращены хозяевам, а преграждающие ворота стражники нехотя отошли в стороны.

– Не думал, что алхимики обладают привилегиями служителей Церкви, – заметил я, когда мы проезжали под огромной каменной аркой, на вершине которой скалились в грозное небо безобразные горгульи, – В Валенквист пропускают только жнецов и медиков.

– Разница между алхимиками и лекарями не слишком-то велика, в глазах обыкновенного обывателя, – пожал Аврил плечами, – А слава нашего братства достаточно обширна. В условиях неминуемой гибели, люди цепляются за самые мифические, неприятные и малопонятные им вещи. За Церковь, Храм и алхимию, в числе первых, кстати говоря.

Внутри Валенквист посерел и поблек еще больше, а вот действие некроэнергии чувствовалось значительно слабее. Значит, жнецы и уравниатели, призванные на Большую Жатву, уже приступили к искоренению последствий заражения. Мор, это, конечно, не остановит, но хотя бы не придется беспокоиться о перерождении местных жителей в орды обезумевших от ярости и боли шатунов. Да, и возможность внезапного перерождения мертвых снижается почти вдвое. Кто бы там не командовал уравниателями, но делал он это слаженно и четко.

Сразу же у въезда в город, едва мы преодолели тяжелые ворота, усиленные толстой железной решеткой, возница остановил дилижанс, заявив, что его работа выполнена. По факту, так это и было, но у меня полностью отсутствовало желание скитаться под дождем, по окраинам зараженного гнилью города, в надежде найти церковный штаб или сухой и теплый ночлег. Едва ли, в этом опустевшем аду остались какие-либо приличные места, где можно передохнуть, не подхватив вшей или инфекцию, но возница оказался неумолим. В результате этого, небольшой мешочек с золотыми перекопал ему в карман, дверь кареты захлопнулась за моей спиной, а я остался под грозовым небом, кутающимся в смятый дорожный плащ, проклиная Аинарде с его дрянной погодой и жатву, с ее проклятой Церковью.

Аврил и Ланиэль откланялись, предлагая последовать за ними, но я благополучно отказался, предпочитая покой и одиночество любой возможной компании. Необходимо найти остальных жнецов и разобраться в сложившейся в городе ситуации, которая, будучи, и без того скверной, грозила превратиться в настоящую катастрофу. Первое, что я уловил, оказавшись на рыдающей дождем улице, была нестерпимая удушливая вонь. Настолько насыщенная, что, казалось, ее можно резать ножом. Несло испражнениями, дымом, гнилью и смертью – обычно такая смесь запахов встречается на полях сражений, да в пещерах, полных мертвецов. Справа и слева от меня, по обеим сторонам дороги, пролегли узкие канавки, полные пузырящейся черной воды, спереди высились перевернутые телеги и повозки, ставшие настоящей баррикадой, препятствующей проходу в город, оскалившиеся зубцами серые стены над головой, враждебно взирали глазами бойниц на пожаловавшего к ним чужака. Разбитые бочки, обломки досок, осколки стекла и камней, измазанные в слизи, черная жижа, плещущаяся у ног – все это смердело невероятно. Запах застоявшейся воды, приправленный разложением и дымом был почти непереносим, перехватывая дыхание, словно гаррота.

Немного правее, среди опрокинутых телег, виднелись тяжелые деревянные бочки, доверху наполненные некой темной жижой, немного левее – чадили угасшие под проливным дождем костры дозорных. Солдат на этой крохотной площадке было еще больше, чем на всех постах, встреченных мною до этого. На дождь они упорно не обращали внимания, справедливо полагая, что подохнуть от мора, вероятность намного выше, чем от переохлаждения или воспаления легких. Часть из них расположилась на баррикадах, наблюдая за искаженной под дождем громадой открывающегося взору города, часть наблюдала за воротами, устало сидя на покосившихся ящиках и коробках. Видимо, все намного хуже, чем я рассчитывал, если власти города оцепили зараженную территорию живым щитом. Трое чумных докторов, в длин-

ных плащах и уродливых птичьих масках, близоруко таращились в мою сторону. Жнецов на заставе не было.

Один из стражников, облаченный в грязные доспехи и помятый морион неспешно приблизился ко мне, уставился, оглядел с ног до головы. Плащ, татуировка, серп на поясе – о принадлежности к церкви здесь говорило решительно все, поэтому я отчаянно надеялся, что никакой утомительной проверки документов не будет. Стражник сплюнул под ноги, его обезображенное шрамом лицо не изменило выражения.

– Жнец, – сказал он просто, вместо приветствия, – Мы вас ждали.

– Редкая удача, встретить радушный прием в такие времена, – отозвался я едко, – Тем лучше, не придется стоять под дождем, пока кто-нибудь будет разбираться с верительными бумагами.

– Мы получили приказ встречать умертвителей и сопровождать их до их точки сбора. Во избежание неприятностей, – добавил стражник, не изменив тона, – Поэтому, я провожу вас, до вашей Орденатории. Заодно, могу ввести в курс происходящего в городе, если хотите.

– Принимается, – кивнул я в ответ, – Все, что угодно, только, чтобы поскорее уйти с этой проклятой улицы и погреться у огня.

4

– Как давно началось заражение? Судя по состоянию города, должно было пройти не менее сезона.

– Мор начался две недели назад, – хмуро отозвался стражник, пропуская меня вперед, под полуосыпавшийся навес, идущий по всей длине извилистой грязной улочки, на которую с шумом катилась вода. Это мало спасало от дождя, а уж тем более, и от ветра, завывающего в узкой каменной трубе замкнутой со всех сторон дороги, – Сперва, в дальних предместьях, потом доехал до города. Пришел из раскопок и стекольных шахт, что в предгорьях, неподалеку.

– Не исключено, но маловероятно. Что там, в этих шахтах? Усыпальницы? Склепы? Древние захоронения?

– Неизвестно. Те, кто посещал шахты, были поражены скверной первыми. Их не стало спустя четыре дня. К месту раскопок не подходил никто с тех пор. Маги из церкви воздвигли барьер на пути. Что там было – известно только Равновесию.

– Сколько зараженных?

– Две трети населения, – промолвил стражник, обведя рукою опустевшую мертвую улицу, – Женщины, дети, старики, мужчины. Мор косит всех, как слепой рубака в тумане. И число зараженных постоянно растет. К слову говоря, целители еще вчера говорили, что оскверненных меньше половины, сегодня твердят, что здоровых людей осталась треть. Будь я проклят, но к исходу недели, здесь не останется никого.

– Будет видно. Что с перерожденными? Как часты такие случаи?

Солдат сплюнул в сторону, поглазел на раздутый труп крысы, плывущий в канаве по правой стороне дороги.

– Слишком частые. Местные власти смекнули, чем может грозить перерождение мертвых, поэтому зараженных отправляли в эту.... Эмм... как ее... рис... рез...

– Резервацию?

– Точно. Старая церковь, на дальнем конце города, в районе бедняков. Раньше там была больница и мертвецкая, а сейчас туда свозят гниющих, со всех концов, и всех районов. Находиться там могут только медики и жнецы, остальным проход запрещен. Приказ свыше.

– Что вообще творится в городе?

– Уже ничего не творится, жнец, – вздохнул солдат, поправив рукою сползающий с головы шлем, – Валенквист первый город, в котором вспыхнул мор за последнюю половину века, поэтому властям нужно остановить зарождение здесь, прежде чем скверна охватит Аинарде с сожрет его на корню. Из-за этого, продукты и чистая вода доставляется из Ростольфа, однако торговцев все меньше. Почти никто уже не рискует соваться в Валенквист, даже за большие деньги. Сюда брошены все, от ваших ребят, до лекарей и колдунов. Валенквист взят в кольцо регулярными войсками, так что, покинуть город невозможно. Проход к шахтам заблокирован, любые другие выходы из города запечатаны магически. Валенквист разорвали на куски, – стражник внимательно наблюдал за тем, как я раскуриваю тонкую палочку эшдора, скривился и снова сплюнул в сторону, – В северной части города, в той, где располагались галереи и академии, теперь обитают маргиналы...

– Ты это о ком?

– Местные богачи, которые просто сходят с ума. Они не просто приняли свою грядущую смерть, как должное, но и возвели ее в культ. Они считают, что раз смерть на пороге, то терять и сберегать уже нечего. Несмотря на заражение, они пьют и развлекаются, как в последний день. Целый округ – теперь огромный бордель. Наркотики, алкоголь, проститутки, все, что

душе угодно. Подыхать, так с музыкой и весельем. Наши ребята почти не патрулируют их территорию. Полно сумасшедших, полно пьяни, полно оскверненных.

– Не самый худший финал они выбрали, кстати говоря. Что в других районах?

– На западе, проход к шахтам, а так же район бедняков и работяг. Шахтеры, земледельцы, фермеры, обычный рабочий сброд, которого в любом городе пруд пруди. Теперь там ре... резервации. Полно трупов, полно гнили. Есть пара-тройка лазаретов и целая куча переполненных мертвецких. Пришлых совсем мало: солдат там нет, только медики, чумные доктора, да ваши ребята из Ордена. Если бы не они, Валенквиста уже не было бы. Мертвяки сожрали бы каждого.

– Хоть кто-то ценит нашу работу. Что-то еще?

– Есть и еще, – помрачнел стражник, указывая мне дорогу между двух посеревших башен, – На востоке, где раньше был округ мастерских, завелись фанатики. Это сумасшедшие, которые считают скверну небесным даром, а сам мор называют «Божественной болезнью». Они укрывают зараженных, проводят свои гнусные ритуалы, читают молитвы, даже приносят жертвы, насколько известно. Будто нам без этого здесь мало проблем. Их основная задача – заболеть...

– Для этого не обязательно резать людей или скот на алтаре. Можно просто окунуться в чумное захоронение, или нырнуть в чумную яму. Или просто подождать.

– Вы не дали мне договорить, жнец. Они не только сами жаждут заболевания, но и стремятся заразить других. Они называют это очищением, а себя – карающей дланью Бога.

– Темные времена рожают темных людей. Неплохой у вас тут набор идиотов. И все это за две недели?

– За две недели, жнец, – вздохнул стражник, словно в этом была его доля вины, – Именно так. В южной части города, где мы сейчас и идем, находится солдатский лагерь, расположена Орденатория вашего Храма, есть несколько лабораторий и штаб чародеев. Самое безопасное место в городе, если такое вообще можно найти. Что до всего прочего, мор точит и сам город, жнец. Вода гниет, трава превращается в болото, продукты становятся слизью и плесенью, а новых поставок почти нет. Если мор не убьет живых, это сделает голод.

– Чего хочет совет? Чего хочет правительство? Что власти нужно в этом месте? Зачем такие силы брошены на это все? Для того чтобы остановить мор, достаточно несколько Церковных наблюдателей, врачей, да регулярной армии, чтобы взять город в кольцо и понаставить блокпостов. Жнецы нужны только в том случае, если врачи не справятся со своей задачей.

– А, вот этого, жнец, мне знать не положено, – хрипло произнес стражник, останавливаясь перед низким белокаменным зданием, украшенным статуей рыдающего ангела, – Это вы уже сами узнавайте у своих ребят. Мы пришли. Слушайте, жнец. Может, если собраны такие силы все не так плохо? Может, мы не сдохнем от чумы? Может, у нас есть еще надежда?

Я промолчал.

5

Внутри Орденатории было тихо, светло и прохладно. Пахло мятой и дымом, воском и ладаном. Стены помещения покрывали затейливые рисунки и барельефы, с окон высокомерно наблюдали разноцветные мозаики витражей. Кажется, там изображены самые известные церковные деятели. Вот Святослав Второй, сразивший первого немертвого своим посохом, вот Валерин Холд, силой магической руны сдерживающий поток оживших на поле боя, после Войны Первого Совета. А вот изображение маленькой девочки, с букетом белых цветов. Странно, что я не припоминаю ее, среди выдающихся личностей в истории Равновесия. Нужно будет узнать у кого-нибудь из менторов, кто это такая, если возможность представится. Или у кого-нибудь из жнецов, которых в Орденатории было полно.

Как и любая Орденатория, расположенная в более-менее крупных городах Аинарде, это здание имело четыре наземных этажа, отданных под хранилища и склады, а так же один цокольный, где располагались летописи и архивы, ведущие историю города. Если когда-то устройство любой Орденатории было делом привычной традиции, то теперь все помещения были перемонтированы, передвинуты и превращены в казармы. Простые стулья и голые столы, деревянные топчаны, грубо сколоченные стойки для оружия и доспехов у стен, высились, на сколько хватало глаз. Не было видно ни привычных гобеленов, ни икон, ни картин – смотрелась Орденатория скупо и бедно.

Жнецов здесь, на первом этаже, было больше десятка. Стойкий запах ладана, рунические изгибы магических татуировок, бледная, как мрамор, кожа, клейменные именем Церкви Атеизма мечи и кинжалы, булавы и топоры, все это говорило красноречивее любых слов. Наверняка, еще десяток священников несет дозоры в самом городе, отслеживая и уничтожая перерожденных. Пара-тройка жнецов должна сторожить выход из Валенквиста к стеклянным рудникам. Итого – три с лишним десятка умертвителей. Внушительное число, для такого маленького городка. И все-таки, число крохотное, для Большой Жатвы, на которую брошены такие силы Королевства. Я остановился на месте, пытаюсь разглядеть знакомые мне лица, в этой разномастной толпе, когда один из жнецов возник справа, хлопнув по плечу.

– Кайетан Эйнард, чтобы меня ганрул разорвал! И тебя сюда вызвали! Вот уже не ожидал тебя здесь узреть!

– Здравствуй, Гранд, – отозвался я осторожно, ловко уворачиваясь от нового дружеского хлопка, – Да-да, это я, собственной персоной.

Гранд Сайет был широкоизвестной личностью в кругах не только ордена Равновесия, но и далеко за его пределами, во многих-многих гильдиях и городах. Славу, которую он себе сыскал на местах жатв и сражений, можно было с натяжкой назвать доброй, ибо известен он был только своими скверными несмешными шутками, чрезмерной наглостью и настолько плохими манерами, что сами менторы и мастера, редко требовали с ним встречи лицом к лицу, ограничиваясь посланиями и письмами. Гранд был невысок ростом, тяжел, кряжист, коренаст. Он скверно владел холодным и дальнобойным оружием, да и в магическом искусстве разбирался из рук вон плохо. Вольные жатвы, собираемые каждым жнецом в различных городах Аинарде, давались ему нелегко. Гранд был слишком мягкосердечным, чтобы поднимать свое оружие на невинного человека, вне зависимости от того, что имя несчастного уже было внесено в трупное письмо. Оставалось настоящей загадкой, как Гранд мог служить Церкви в качестве умертвителя: ему больше бы подошла тихая и спокойная работа, вроде храмового летописца или служителя. Правда, стоит отметить, что одной из немногих положительных сторон его характера, была необычайная решительность и отвага, периодически граничащая с настоящим сумасбродством. Самым известным проявлением этого, можно считать случай, когда несколько десятков корнолаков из Золотого Урочища, напали на храмовую делегацию, направ-

ляющуюся из Морольфа в Бранальск. Гранд смог сдерживать атакующих достаточно долго, пока не явилась подмога из ближайшей Орденатории. После этого, Сайет немало вырос в глазах архонтов и прочих жнецов, хотя манер поведения так и не изменил.

Мы никогда небыли с ним особо дружны, но мне было приятно встретить старого приятеля в таком мрачном месте, как Валенквист.

– Я слышал, что ты угодил в Эонар, – доверительно понизив голос, проговорил Гранд, словно открывая мне тайны мироздания, – Говорят, что ты свихнулся, прирезал какого-то важного генерала и перерубил половину его отряда, глазом не моргнув.

– Как видишь, я не в Эонаре. И никакого генерала не было. Было несколько наемников.

– С какой стати, двадцать человек называются «несколько»?

– Их было только шестеро. Все, что там говорят – чушь полная. И история эта не столь важна, как может показаться. Послушай, я чертовски замерз. Здесь есть что-нибудь выпить?

– Выпить здесь решительно нечего! – вздохнул Гранд, отходя в сторону, чтобы я мог немного продвинуться вперед. Жнецы наблюдали. Десять незнакомых бледных лиц взирали на меня с интересом и толикой восхищения, к чему я уж никак не привык. Мне стало неловко, и я поспешил ретироваться в сторону. Это все виновата та история, в Мортруде. Убить шестерых человек, не попасть при этом в самую строгую для жнецов тюрьму, да еще остаться на службе у Церкви – такое, и вправду, встретишь совсем нечасто. Новости среди жнецов распространяются быстро, так что их внимание было вполне обоснованным. Я поднял руку в знак приветствия, остальные кивнули в ответ головой.

– О тебе ходят слухи в Церкви, – проговорил Гранд, ступая за мной к дальнему концу комнаты, где я заприметил нечто похожее на пузатую винную бочку и свободное кресло, вдали от всей толпы, – И слухи эти, противоречивые.

– Плевать я на них хотел. Суть от этого совсем не меняется. Да и тебе самому, стоит поменьше обращать на них внимания. Кстати, если вопрос Валенквиста настолько серьезен, почему наших ребят так мало? Почему здесь нет опытных умертвителей? Менторов? Архонтов? Где Генрих, Эрик, Оригрин, Мээлон? Лица этих жнецов мне незнакомы, значит, они еще не закончили обучение в Семинарии. Зачем их бросать в моровое пекло? Это что, показательное выступление? Очередной урок? Какого они курса? Третьего?

– Вообще-то шестого, – хмыкнул Гранд, бросив быстрый взгляд на умертвителей за спиной, – Церковь созвала всех жнецов и уравнивателей, оказавшихся поблизости, как мне известно...

– Ильмстен – на другом конце королевства, не слишком-то и близко, как по мне.

– Тем не менее, – вздохнул жнец, плюхнувшись всем своим весом в жалобно скрипнувшее кресло, которое я присмотрел для себя, – Выдернули в Валенквист тебя, меня, Фельтиса, Люкгерда, если ты еще их помнишь, и еще пару-тройку опытных жнецов...

– Фельтиса и Люкгерда я точно не помню. Я закончил обучение очень давно, так что можешь не называть имен. Кстати, сколько Жатв ты собрал за последний год, Гранд?

– Шесть, – признался жнец, несколько сконфузившись, – Ты же знаешь, что менторы не слишком-то меня ценят.

– Иначе не кинули бы в Валенквист, – согласился я, приподнимая крышку бочки, – Что это? Вода?

– Уж не вино, как ты видишь, – хмыкнул Гранд и посмотрел на меня, как на идиота, – Все вино досталось маргиналам, или как их там, этих богачей, что живут на севере города. Хотя, здесь чистая вода идет на вес золота, Кай. Цени. Новых поставок ждать неоткуда.

– Они и не понадобятся, если город будет оставаться в такой же ситуации, как сейчас. Чем вы занимались здесь все это время? Не могли отбить у пьяниц пару-тройку винных погребов? И чем мне тут спастись от сырости и холода? А, черт с ним... Так, что там, на счет менторов?

– В Валенквист отправили двоих архонтов, из числа Совета. Ты с ними хорошо знаком...

– Двое? Ого, да Церковь взялась за это со всей серьезностью. Даже на Мортруд, во время войны, был выделен только один ментор.

– Война все еще идет, если что. А вот касательно менторов, так тут уровень опасности совершенно разный, – развел руками Гранд, тяжело барахтаясь в рассыпающемся кресле, – Северяне – это, конечно, та еще чума, но они хотя бы выглядят и пахнут лучше, чем ожившие трупы. И не грозят эпидемией. Как их называют? Воскресших из чумных ям?

– Пандемониусы. Никогда еще их не встречал. Все настолько плохо?

– Насолько, что даже говорить о них противно, – скривился Гранд, перекинув ноги до бочки с водой, и водрузив грязные ботинки на край, – Меня, на счастье, еще не бросали в открытый бой против них, но жнецы говорят страшное. Пока еще их удастся сдерживать в резервациях – там есть наши отряды, но чем Равновесие не шутит... Маги, конечно, возвели барьеры, но рисковать лишний раз...

– Мрачная перспектива, ничего не скажу. Кто из архонтов прибыл?

– Мэлла. Помнишь ее? Она учила нас рунам на одном из курсов. Очень опытная. Очень своенравная. Как всегда сходит с ума, накручивая саму себя. Не пойму, почему ей кругом мерещатся заговоры и интриги? На мой взгляд, ее проблемы, не стоят и ломаного гроша!

– Помню ли я Мэllu? Ее не так просто забыть, особенно, после того, какой она стала в своей последней Жатве. Рад, что моим куратором в Семинарии был Ирвин, а не она, иначе бы и половины курсов я не окончил. А что со вторым архонтом?

– О! – протянул Гранд, и его полное лицо приобрело загадочное выражение, – Тебе это совсем не понравится. Как и всем, кто сейчас сидит в этой Орденатории. Совет послал в Валенквист правдоносца.

Я скривился, словно от зубной боли. Естественно, даже в такой ситуации, как проблема с Валенквистом, необходимо ставить палки в колеса. Мор, правдоносцы... что будет еще? Камни с небес? Орден Правды существовал уже очень давно. Он возник несколько раньше, чем орден Равновесия, наравне с самим учением Церкви Атеизма, и специализировался на так называемой «духовной» работе с паствой, что говоря более простым языком, являлось Инквизицией. Орден Правды выкорчевывал инакомыслящих, давил бунты, против атеистического режима, боролся со злопыхателями и противниками псевдорелигиозного учения. Инквизиция не брезговала ничем – шантаж, похищения, пытки – все, что угодно, кроме убийства. Такой привилегией обладали только жнецы, до некоторого времени, когда оба ордена решили упразднить и создать на их основе новую, более влиятельную структуру, объединив оба начала. Впрочем, от этой идеи довольно быстро отказались, поняв какой силой предстоит управлять самим Церковным Князьям. Церковь опасалась мощи созданного ею оружия, и проект был заморожен. Инквизиторы были слишком недалновидны и жестоки, чтобы исполнять работу умертвителей, а умертвители не обладали необходимыми навыками Инквизиторов, поэтому эта идея оказалась несостоятельна.

Проблемы недопонимания возникли между орденами Правды и Равновесия, как раз в тот период, когда одни люди пытались влезть и выполнить работу других. У нас, и у них, совсем разные методы борьбы с врагами. И, иногда, это становится настоящей неприятностью.

Правдоносцы не ведали жалости и страха, вели себя, как псы, натасканные на кровь, на чужое инакомыслие. Соединяя в себе черты секретной службы и силовой структуры, а так же исполнительную власть, правдоносцы являлись вооруженным подразделением, стоящим на страже интересов церкви. Их не отправляли на Большие Жатвы. Опасность должна быть, действительно, колоссальной, чтобы правдоносцев бросили против мертвых и живых людей.

Во всяком случае, в одном я был уверен наверняка: ордену Правды тут не место. Тут некого подвергать пыткам или бичевать за неповиновение. Здесь есть только живые, мертвые и мор.

– Алех Всесветлый, – протянул я, мрачно кивнув головой, – Кого еще, если не его, бросать в эту гнилую нору?

– Именно, – согласился Гранд, наблюдая за моей реакцией, – Их штаб дальше по улице, если захочешь явить почтение к столь значимой персоне. Не понимаю только, зачем их прислали сюда?

– А что Мэлла говорит по этому поводу?

– Ничего. Шипит на всех, как дикая кошка. Сам понимаешь, ее тоже не радует близость правдоносцев, истерически полагающих, что инакомыслие забредает не только в головы простых бессмертных, но и жнецов с уравниателями. Это настоящая паранойя! Кстати, о Мэлле, ты должен будешь увидаться с ней. Таково распоряжение.

– И чего мне ожидать от этой встречи?

– Скорее всего, очередного похода в город, – вздохнул Гранд, посмотрев мне прямо в глаза, – Ей как раз нужен человек для помощи одной из чародеек, что прибыли сюда.

– Пф, да плевать мне хотелось на чародеек. У них свои интересы в этом деле, а у жнецов – свои. Я не стану соваться в эту чумную яму, на потеху правдоносцам и колдунам. Знаешь ли, в мои планы входит покинуть этот город, как только Жатва закончится, а не остаться здесь навсегда. Гниющим в могиле.

– Уверен, что ты передумаешь, дружище. Я, ведь не назвал имени этой чародейки.

– Неважно. Это ничего не поменяет.

– Илигрид Линдаут. Так будет проще?

Я чертыхнулся, наподдал ногой упавшую на пол крышку бочки. Значит, и Илигрид выдернули в это мокрое пекло. Если бы не Вингард со своим колпаком лекгардической силы, я наверняка успел бы вовремя и сумел Мэлле отговорить от решения призвать чародейку.

– Илигрид здесь?

– Ее вытянул приказ Церкви. Она, конечно, колдунья, но колдунья на службе у Равновесия. Тем более, она отличный специалист, в сфере магических преград и барьеров. Я знаю, у вас с ней непростые отношения, но...

– Нет, что ты, у нас все отлично. Лучше не бывает. Каждый день, как Валентинов.

– В прошлый раз, она пыталась отравить тебя в постели, вином из кубка.

– И сама же подарила кольцо, реагирующее на любой яд. Это была милая проверка артефакта. В целом, это не твоего ума дело, – заявил я наставительно, и посмотрел на расположившегося с комфортом толстяка, – И Равновесием тебя прошу, пошел вон из моего кресла!

6

Мэлла сидела у старинного гобелена, протянув к огню, играющему в декоративном камине обутые в сапоги ноги. Неровно подстриженные короткие волосы падали ей на лицо, глаза, похожие на два темных агата, внимательно разглядывали древнее произведение на стене, словно ничего важнее для нее в эти минуты не существовало. Мэллу можно было редко застать задумчивой или мечтающей – она была человеком действия, решительным и отчаянным, готовым на самый невероятный шаг, но, видимо, тоскливый город Валенквист нагонял уныние и на таких железных людей, как княгиня Церкви. Она была облачена в застегнутый фибулой плащ и блестящую кольчугу. Мэлла никогда не любила платья, ненавидела жакеты и камзолы, предпочитая изящной и комфортной одежде легкую, но надежную броню. Она коротко стригла волосы, никогда не пользовалась косметикой, ненавидела кольца и серьги. Сказывалось военное прошлое – в свое время, Мэлла потратила не один год на полях сражений, борясь с перерождением и выплесками некроэнергии. Когда-то она неплохо владела холодным оружием и великолепно разбиралась в магии, что в свою очередь наложило на архонта свой тяжелый отпечаток, сделав из хрупкой девы настоящую воительницу. Правую сторону лица женщины пересекал уродливый шрам, левая рука заканчивалась острым железным крюком, едва прикрытым слабой колдовской иллюзией. Впрочем, это нисколько не смущало ее. Последняя Жатва, в которой Мэлле не посчастливилось побывать, сделала воительницу калеккой, навсегда поставив крест на блестящей карьере. Отныне к ее услугам совет Архонтов прибегал крайне редко. Мэлла всегда держалась в стороне, и чем было вызвано ее внезапное появление в Валенквисте оставалось настоящей загадкой.

Гобелен, полутьма, камин, дорящий больше дыма и копоти, чем света и тепла.

Я прочистил горло и негромко постучал на пороге, желая привлечь внимание Мэллы. Архонт повернула голову, сдержано кивнула, молча, указала рукой на кресло подле себя. Я осторожно приблизился, встал за ее спиной.

– Здравствуй, Кайетан, – голос ее звучал сухо и холодно.

– Доброго вечера, ментор.

– Присаживайся. Это будет недолгий разговор, но я люблю видеть своего собеседника, а не болтать с пустотой.

Я опустил в ветхое резное кресло, взглянул на пляшущее пламя в камине, поднял глаза на гобелен, покоящийся на стене. Мэлла посмотрела на меня, проследила за моим взглядом, позволила себе краткую улыбку.

– Быть может, это и не к месту, но я рада видеть тебя, Кайетан. Пусть даже при таких событиях.

– И я рад видеть вас в добром здравии, ментор.

Мэлла фыркнула откинувшись в кресле, расположившись поудобнее.

– Как официально! Ты уже не мой ученик, Кай, так что, можешь перестать сыпать формальностями. Говори свободно. Мы же не на совете, в Вельберге. И ты, и я, теперь просто жнецы. Одного уровня и одного ранга. После твоей последней встречи с князьями Церкви, думается мне, с некоторыми из архонтов, ты не столь учтив.

– Не смотря на маски, которые так любят носить участники заседания на совете в Вельберге, я прекрасно знаю, кто голосовал за мое заключение в Эонаре. И вас, Мэлла, среди них не было.

– Не было, – согласно кивнула воительница, нисколько не смутившись, – Я никогда не верила в абсурдность заявления о твоём отступничестве. Там, в Мортруде, ты убил отъявленных негодяев. Поделом.

– Благодарю за доверие, ментор. И все же, это не относится к нынешнему делу, не так ли?

Мэлла кивнула.

– Так. Нынешнее дело, как ты изволил выразиться, требует более тонкого подхода, чем смерть нескольких ублюдков на потеху Церковному суду. Думаю, тебя уже ввели в курс дела происходящего в Валенквисте, не так ли?

– Отчасти. Известно мне немного.

Мэлла кивнула головой в сторону древнего резного шкафчика, притаившегося в полутьме у стены. В тусклом свете огня, шкафчик многообещающе поблескивал разномастными бутылками и сосудами.

– Налей, пожалуйста, вина, Кайетан, – проронила она, – Ненавижу просить о мелочах, но с этой штукой, вместо руки, не сделаешь и пары пустяков. Мне это поможет сосредоточиться, а тебе – согреться. Имей в виду, это последнее вино, которое только можно добыть в этом квартале, так что каждая капля на счету.

Я послушался, наполнил два бокала густым терпким напитком, передал одну из чаш ментору, вернулся обратно в кресло.

– Итак, – произнесла Мэлла, сделав несколько маленьких глотков, – Я постараюсь быть максимально сдержанной и лаконичной, чтобы не утомлять тебя ненужными деталями и моментами, которые, по сути своей, касаются только Церкви, да Совета. Я не Ирвин, чтобы забивать своим коллегам головы максималистским бредом или красивыми словами, я прошу от вас, жнецов, осторожности и бдительности. А так же, четкого выполнения приказов, которые Совет передает через меня. Это понятно?

– Слушаю вас внимательно, ментор.

– О, Равновесие, да оставь ты свой формальный тон! – интонации в голосе воительницы однозначно давали понять, что бутылка вина за сегодняшний вечер уже не первая, – Кайетан, ты не понимаешь, в каком месте ты оказался. Ты, безусловно, опытный жнец. Сражался с Трехликими? Леастольфами? Шатунами? Это делает тебе честь, но только не здесь. В Валенквисте, все твои достижения не значат ровным счетом ничего. Здесь тебя уже не спасут ни серп, ни магия. Здесь ты в такой же ловушке, как и...

– Простите, ментор. Я не совсем понимаю...

– Понимаешь, Кайетан. Понимаешь, ибо уже не раз задавался этим вопросом: почему на борьбу с мором брошены такие силы?

– Серая гниль – угроза всему Аинарде...

– Нет, – Мэлла посуровела, задумалась, постучала железным крюком по стеклу чаши, – Все не по этому. Серая гниль, безусловно, малоприятное явление, которого мы уже не встречали много лет. Серая гниль – бич наших земель, но этот противник знакомый Церкви. Поветрия приходят в Аинарде. Мы знаем, как уберечь себя от него, мы представляем, как с ней бороться. Это сражение науки и природы, а не жнецов и магов, как казалось изначально. Ты знаешь, как боролись с мором в давние времена?

– Мне доводилось слышать. Сжигание целых городов подойдет?

Мэлла кинула на меня острый взгляд.

– Яркий пример Церковной гуманности, – отозвалась она, вновь повернувшись к огню, – Церковь всегда считала, что гораздо проще и эффективнее выкорчевать самый корень недуга, в данном случае, это избавиться от зараженных. Как можно это сделать проще всего?

– Сжечь. Лес рубят – щепки летят.

– Как говорил Гельстар, первый из жнецов, отправляя ведьму на костер «Жгите всех, Равновесие своих узнает», – согласно кивнула Мэлла, – Раньше, для того, чтобы уладить последствия поветрия, разгулявшегося в городке или деревеньке, хватало одного-двух отрядов жнецов. Десяток человек, подкрепленный магами и чародеями, являл собой достаточную силу, чтобы сравнять с землей даже немалый город. Быстро, надежно и с гарантией. Жертв повет-

рия оплакивали, жнецов поднимали до небес, как неких спасителей и избавителей, а про мор забывали. В самый краткий срок.

– К чему вы клоните?

– Мне кажется, все ясно, как день, – пожала плечами Мэлла, – Зачем бросать такие силы на Валенквист, если здесь может справиться и меньшими затратами? Насколько я знаю, у жнецов сейчас хватает работы, особенно в разгар войны с Ортиарном, не так ли? Если в городе не затаился шатун, значит, в деревне поблизости шастает галеам. Если не галеам, то какая-нибудь гниющая тварь, вроде нирна, пожирает несчастных путников в чащобе или фамильяры разрывают на части одиноких купцов с тракта. У жнецов всегда найдется работа. И эта работа, всегда очень важна.

– Если в Валенквист стянуты такие силы...

– Значит, в Валенквисте есть то, что очень нужно Церкви, – подытожила Мэлла, посмотрев на меня поверх чаши, – И Церковь не желает этого упустить, выжигая город вместе с заразой. Здесь что-то более значимое, более ценное.

– Например, что?

– Я уже, практически не отношусь к Церкви, Кай. В моих услугах совет больше не нужен. Откуда мне знать такие секреты? Меня выдернули из моих покоев преподавателей, ввели в курс дела, объяснили задачи, расписали масштабы проблемы и варианты их решения. Пели оды о предстоящем подвиге, ссылаясь на то, что мой опыт в проведении подобных операций должен помочь и сыграть неплохую службу. О том, что сюда стянут такие силы, во главе с правдоносцами, никто и словом не обмолвился. Вывод напрашивается сам собой. Подумай сам: в Валенквисте есть нечто очень ценное, нечто, чем Церковь желает обладать. Нельзя упустить такую значимую вещь в самом разгаре чумового поветрия, не так ли? Что нужно сделать? Локализовать все возможные силы под рукой, что бы снизить риск провала до минимума. Мор – отличный предлог для подобных махинаций. Всеобщая мобилизация, регулярные войска, да еще и этот проклятый Орден Правдоносцев! – Мэлла протяжно скрипнула крюком по гладкому боку чаши, – Это все не так просто, как кажется, Кай. Поверь мне.

Мэлла была как всегда в своем репертуаре. Мания преследования и любовь к заговорам, проявившиеся после получения травмы не отпускали ее даже в эти мрачные времена. Будто других проблем мало.

– Но, как же так? С чего вы взяли, что под этим есть подоплека?

– Нет никаких «как же»! Открой глаза, Кай, посмотри, кого Церковь отправила в Валенквист? Меня, бесполезную калеку, занимающую место в совете? Тебя, отступника и мергойера, плюнувшего в лицо самим Церковным Князьям? Гранда, который даже нескольких чар сплести не в состоянии? Илигрид, давно отошедшую от дел? Чародеев, которых Совет терпеть может, только сцепив зубы? Необученных неопитов, которые не то, что пандемониуса, обычного галеама в глаза не видели!

– Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, что в Валенквист брошены те, кем не жаль пожертвовать для достижения высших целей. Согласись, Кай, выжить в чумном городе – задачка не из легких, верно? Свой срок мы уже отслужили в их глазах. Это, как в шахматной партии: пешками всегда жертвуют первыми.

– Как говорил один умный человек, после игры, и пешка и король, падают в одну коробку. Церковь должна понимать, чем это может грозить в случае провала.

– Верно, но абсолютно не соответствует нынешней действительности. В нашей партии королей нет, – Мэлла хмыкнула, осушила чашу до дна, заглянула внутрь, – Расходный материал берет на себя основной удар. Тех, кто умрет – забудут, тех, кто выживет, ненадолго возвысят. Поверь мне, Кай, вся эта ситуация значительно глубже, чем кажется на первый взгляд.

– Мне кажется, вы слишком увлечены интригами и заговорами, ментор.

– Нет, мой дорогой умертвитель, – улыбнулась Мэлла, – Я уже слишком долго в Совете. Мы помолчали, думая каждый о своем. Трещал огонь в камине, в окна колотил мелкий тоскливый дождь, горделиво взирал со стены древний гобелен, полный немислимых деталей и удивительных форм, складывающихся в непонятные и двусмысленные картины.

Я первый нарушил молчание.

– Вы с кем-то еще делились этими... опасениями, ментор?

– С тобой, Илигрид, немного с Грандом, и парой колдунов, имя которых для тебя все равно ничего не значит.

– Если об этих разговорах узнает Орден Правды...

– То, что тогда будет? Они засунут меня в еще большее дерьмо, чем гниющий заживо город? – Мэлла посмотрела на меня, как на сумасшедшего, – Мне уже поздно бояться, Кай.

– Так, какими будут ваши приказания? Каким образом мы будем решать эту задачу?

Мэлла перевела взгляд на танцующее в камине пламя, нехотя пожала плечами.

– Официально, в наши обязанности входит только пресечь распространение инфекции по городу, и остановить перерождение погибших, чтобы обезопасить мирных жителей. Таково решение Совета. Классический подход к подобного рода делам. Однако, я думаю, что перед нами стоит куда более значимая задача. В Валенквист, как только стало известно, что пришел мор, стеклись лекари и врачеватели со всего Аинарде. Маги, чародеи, колдуны, целители, алхимики, даже мы, жнецы, хотим не только не допустить катастрофы, уничтожающей все королевство, но так же отыскать лекарство от этой проклятой чумы. Целители работают не покладая рук, в своих лабораториях и прозекторских, алхимики и врачи не покидают мастерских. Перед угрозой заражения равны все – и простолюдины, и правдоносцы, и жнецы, и даже Князь Церкви, хотя, последние, упорно не желают этого понимать. Умирают все одинаково, вне зависимости от происхождения, статуса или богатства, на грязных простынях, залитых гноем и кровью. Совет, конечно, не поддержит мое решение, но их одобрение не играет в стенах этого города уже никакой роли. Я хочу, чтобы жнецы оказывали содействие лекарям. Помогали им с добычей образцов, с очисткой территорий, с защитой от галеамов. Поддержка нашего Ордена, в такие времена, необходима.

– Я понимаю и разделяю ваши мотивы, ментор. Но, боюсь, их не одобрит Алех Всесветлый.

– Не одобрит, ведь Церковь послала Орден Правды, чтобы следить за работой жнецов, чтобы не несли эти болваны в рясах. Но я согласна идти на такой риск. Работать сообща – единственный способ покинуть этот город не в деревянном ящике, лежащем на повозке до ближайшего костра.

– Есть какие-то приказания, ментор?

– Да, Кай, как раз для тебя. Насколько мне известно, ты хорошо знаком с Илигрид, нашей чародейкой, специализирующейся на рунах?

– Знаком, – подтвердил я, мысленно проклиная Гранда за его любовь к сплетням и слухам, – А какую роль это играет в нашей ситуации?

– Я хочу, чтобы кто-то из надежных людей совершил одну непростую вылазку в дальнюю часть города.

– Куда именно?

– Мои люди напуганы и встревожены Кай. С одной стороны на нас давит мор, с другой – Алех Всесветлый, со своим проклятым орденом правды. Приходят противоречивые сведения о происходящем в городе. Я хочу, что ты и Илигрид разобрались с проблемой этих слухов. Я доверяю вам и жду о вас самых достоверных сведений.

Я чертыхнулся, заерзал в кресле, звякнул пустым бокалом.

– Не хотел бы оспаривать ваше решение, но стоит ли подвергать Илигрид опасности? Возможно, со мной может отправиться...

– Илигрид отправится в город в любом случае, – отрезала Мэлла ледяным тоном, – Она сама предложила эту вылазку, и возглавляет ее тоже она. Вопрос не в том, согласен ли ты взять ее с собой, а в том, согласна ли она на твою компанию. Илигрид умная девочка, и рисковать зря она не станет. Зная ваши с ней взаимоотношения, я придержала отправку в сердце города до твоего появления. Я решила, что ты захочешь ее сопровождать.

– Естественно. Я отправлюсь с ней, но...

Мэлла посмотрела на меня с усмешкой.

– Ты зря беспокоишься за Илигрид, Кай. Она может постоять за себя. Как и любой, чародей-профессионал, она стоит десяти рядовых жнецов, к которым, большинство в этой Орденатории, относятся. Линдаут владеет такими силами, которые тебе даже не снились. То, что кажется тебе подвигом, для колдуна – пара пустяков.

Я промолчал, недоверчиво покачав головой. Илигрид упряма, как и Мэлла. Уговорить их не делать что-либо, не проще чем вымолить слиток золота у мертвого торгаша.

– Я оповещу Илигрид, что ты уже прибыл в город. Она упомянула, что хочет увидеться с тобой, но, я думаю, это может подождать до утра. Валенквист, и вовсе, не лучшее место для свиданий. Выспись сегодня, отдохни перед завтрашним днем. Ты неважно выглядишь. Долго был в дороге?

Проклятая бессонница снова дает о себе знать. Чувствовал я себя, и правда, скверно.

– Что-то вроде этого. Где я смогу найти Илигрид завтра?

– Резиденция магов находится на другой стороне этого квартала. Не беспокойся, тебя проведут, как только возникнет такая необходимость. Я больше не задерживаю тебя, Кай. Только, прежде, чем уйти, налей мне, пожалуйста, еще вина.

Мэлла окликнула меня на пороге, указав взглядом на древний гобелен, покоящийся над камином.

– Кай, еще минуту, что ты видишь на этом рисунке? Интересно будет узнать твое мнение.

Я устало повернулся, скептически оглядел переплетение рун, фигур, узоров и невнятных рисунков, складывающихся в сюрреалистическую картину.

– Хм... трудно сказать. Мне это напоминает горы. А это солнечные лучи. Похоже, рассвет над горами. Я угадал?

– Странно, – протянула Мэлла, склонив голову к правому плечу, чтобы лучше разглядеть гобелен, – А я вижу этот город, Валенквист. А над ним...

– Над ним солнце?

– Нет, это пожар.

7

Магические эликсиры отвратительны на вкус. Если кто-то говорит вам, что настоящее колдовское зелье, должно быть манной небесной, можете смело сдавать его ордену Правды за ересь и преступление против Церкви, ибо такая ложь должна быть наказуема по всей строгости. Магические эликсиры чудовищны.

Дело далеко не в том, приготовлено зелье настоящим алхимическим мастером, или сделано подмастерьем дешевого лекаря. Корень зла кроется исключительно в ингредиентах, которые используются для варки и перегонки колдовского настоя. Вкус эликсира не играет решительно никакой роли. Важен только эффект. С самого начала времен, еще до изобретения перегонных кубов, реторт, змеевиков и концентраторов, как и всего прочего алхимического оборудования, ингредиенты просто смешивали в котле, повешенным над костром, где варево настаивалось и выкипало, образуя ценный колдовской состав. В зависимости от рецепта, собирали конденсат или делали вытяжку из варева, разливали их во флаконы, осеяли магической руной и провозглашали их готовыми к употреблению. Кто-то умирал после приема настоя, кто-то выживал, испытав на себе всю мощь алхимического гения. Если умерших было больше половины, такой эликсир считался негодным и рецепт вычеркивали. В противном случае, настой приобретал широкую популярность и незамедлительно пополнял полки аптек и лекарственных лавочек. Так развивалась подобная наука. К слову говоря, опытным путем, помимо зелий, были так же изобретены и первые химические яды, получившие сейчас широкое распространение. Разница между ядом и зельем, чудовищно мала, учитывая какое сырье используется для обоих этих алхимических продуктов.

Не многое изменилось с тех самых пор. Не смотря на наличие специальных приспособлений, позволяющих сделать настой максимально эффективным и минимально токсичным, о вкусе не позаботился никто, ибо каждый новый ингредиент сказывается на качестве всего зелья.

Алхимики используют в своих эликсирах невероятное сырье. Зелье «Голубой Слезы» содержит вытяжку из гниющего тела покойника, настой «Шепчущего» готовится из сока древесных личинок, зелье «Белого Света» берет начало из перебродившей и свернувшейся крови, вперемешку со слизью ртутных болот, на юге Гильюмара. Однако, если смешать все эти три зелья вместе в перегонном кубе, в соотношении один к трем, с наркотическим экстрактом ядовитого дерева Вечного Сна, коих много в здешних лесах, можно получить прекрасное средство для лечения самых серьезных ран. Правда, есть некоторый шанс, при котором ваше тело отвергнет колдовскую микстуру и сердце откажет работать, но благодаря нынешним технологиям, риск этот совсем незначительный.

Только поэтому спрос на зелья не такой большой, как на целебные руны или печати, хотя, порою, и магическая печать не в силах справиться с вашим заболеванием.

Можно проглотить пинту крови, прежде, чем тебя вывернет на изнанку. С магическими эликсирами такая штука не пройдет. Эликсир действует до тех пор, пока ты удерживаешь его в желудке, не смотря на протесты организма и его попытки избавиться от чудовищной отравы. Или до тех пор, пока не рассосется основная часть настоя, что бывает крайне редко – почти никто не выдерживает подобной пытки. Вот так вот алхимия и изживает саму себя.

Эликсир был невероятно отвратительным, хотя и не содержал в себе ничего из ряда вон выходящего, что могло бы настолько извратить его вкус. Насколько мне известно «Зеленая Фея» была родом именно из Валенквиста и вмещала в себя только один непривычный для обывателя ингредиент, а именно, гнилую воду и землю с кладбища, пропущенную через трехфазовый концентратор. В остальном же, в рецепт зелья входит древесный сок, трава Седьмого Короля и пыльца с красных цветков Забвения. Валенквист первым открыл для мира этот чудо-

вищенный наркотик, ибо трава, под названием «Трава Седьмого Короля» произрастала только в этих краях. Слава о данном зелье шла далеко во все стороны. Некоторые узнавали Валенквист не по музеям и выставкам, а только по «Зеленой фее» и дюжине схожих отрав. Именно из этой травы добывается дешевый в производстве наркотик, под названием «Пыль Пустоты». Зелье, хотя и было наркотическим, такой убийственной силы, как «пыль», не имело.

Мне посчастливилось стать обладателем фляги эликсира по дороге в Ростальф, у встреченного мною мрачного купца, описывающего зелье, как некий магический дистиллят, обещающий прогулки по уголкам подсознания.

Прогулки по подсознанию мне были вовсе не нужны, а вот снотворное, необходимо чуть больше, чем полностью. Бесконечная череда кошмаров, вместо дремы и отдыха, изматывала и угнетала хуже всякой битвы. Долго так продолжаться не могло, так что пришлось идти на чрезвычайные меры. Учитывая, какая работа ждала меня впереди, быть разбитым и полуживым – непозволительная роскошь. Ослабленный жнец – потенциальный труп, которого легко одолеет любой галеам, даже самого низкого уровня. Более того, встреча с Илигрид, которая, наверняка, не простила мне мое внезапное исчезновение из ее спальни в Эрмивальде незадолго до путешествия в Вингард, мрачная отчужденность Валенквиста и разговор с Мэллой никак не способствовал расслаблению и медитации.

Мне приходилось прежде принимать подобные снадобья, так что, я знал, какого эффекта мне ожидать. Небольшая комнатуха на втором этаже Орденатории удачно была пустующей, так что, здесь можно было отдохнуть. Я устроился поудобнее на жестком топчане, приспособленным вместо кровати, отвинтил флягу, осторожно понюхал изумрудное содержимое. Несло болотом и холодом. Кольцо предельной безопасности, реагирующее на любую отраву, зашлось истерическим звоном, ошибочно посчитав, что я собираюсь испить яду. Я вздохнул, поднес флягу ко рту и сделал небольшой глоток.

Те, кто считают, что магические эликсиры прекрасны на вкус, должны быть записаны в ближайший список Жатвы.

***

Наверное, я проспал недолго. Вернее, я бодрствовал, пребывая в тяжелом наркотическом опьянении, крайне похожем на беспокойный и тяжелый сон. Кошмаров я не видел, мелькающую перед глазами череду видений не различал, полностью погрузившись в мутное мягкое ничто, где мог пробыть, наверное, ни один век, если бы только мне это позволили. Но жизнь решило иначе, и как раз в тот миг, когда я погружался все глубже в это топкое болото безмятежного покоя, в котором растворились все мои беды и печали, раздался необычайно громкий, оглушающий стук в дверь. Ненавижу стуки в дверь.

Так приходят большие проблемы.

Я открыл глаза, с трудом соображая, что происходит, и почему за решетчатым стрельчатым окном сереет промозглое Аинардское утро, вместо всепоглощающей ночной темноты. Вероятно, действие эликсира было куда более эффективным, чем я ожидал, и прошло не менее шести часов с момента, когда я принял зелье. Чувствовал я себя несколько лучше, но наркотический настой все еще не выветрился, заставляя пребывать в полусонном тяжелом состоянии. Похмелье, с которым я бывал знаком не понаслышке, можно было бы считать детской забавой в сравнении с интоксикацией наркотическим зельем. Меня отчаянно знобило, отчего, казалось, комната наполнена зимней стужей. Я поднялся на ноги, морщась от головной боли, повел плечами, пытаясь прийти в себя и избавиться от удручающего полумертвого состояния, но настойчивый стук в дверь свел все попытки на нет. Интересно, что могло случиться в Вален-

квисте всего за одну ночь? И почему это случилось именно тогда, когда я приехал в этот проклятый городишко?

И какого черта, я вообще должен открывать двери?

Проржавевший засов скрипнул, осыпался медной пылью, но поддался и ушел в сторону. Дверь распахнулась, я щурясь на непривычно яркий свет выглянул наружу. Один из начинающих жнецов, судя по промокшей одежде, пребывающий в ночном дозоре, сдержано кивнул в знак приветствия и указал вглубь коридора.

– Мастер Эйнард, вас ожидают в главной зале Орденатории. Приказ ментора Мэллы. Говорят, дело важное.

– Да? И кто меня ищет?

– Кто-то из местных лекарей или алхимиков. Аврил Маккер.

– Аврил? Какого черта ему здесь понадобилось?

– Мэлла разговаривала с ним, после чего попросила отправить за вами.

Я провел рукой по лицу, стараясь справиться с усталостью, потряс головой и потянулся за плащом. Ненавижу стуки в дверь. Так приходят большие проблемы.

***

Прозекторская Аврила находилась на границе с ближайшем зараженным кварталом, тесно примыкая к разрушенным и полуобвалившимся торговым рядам некогда процветающего рынка. Лотки купцов пустовали, лавочки торговцев казались нищими и обветшалыми. На некоторых виднелись глубокие царапины, на других виднелись следы тщательно затертой крови, на третьих роились мухи, давая ясно понять, что здесь, вместо товара, недавно валялись гниющие трупы.

Улочка пропахла грязью, гнилью, мочой, химией и смертью. Прохожих не было и в помине и вода из стекших труб, катилась по безлюдным дорогам, разнося мусор, помои и даже крысиные трупы, раздутые от неведомой заразы.

– Черт его знает, откуда вообще взялись эти крысы, – пробурчал Аврил, открывая массивным ключом проржавевший замок на двери черного хода прозекторской, – В городе стало нечего есть, Валенквисту угрожает голод, а эти твари прут, словно из преисподней. Вы никогда не задумывались, Кайетан, почему после смерти перерождаются только люди? Отчего в этих, как их там... как вы их называете?

– Галеамы.

– Да, отчего в галеамов не превращаются крысы, мыши, собаки, да и прочее зверье? Отчего эти виды устойчивы к некроэнергии, которую отследить научными методами никак нельзя?

– Я не задумывался, однако, в учении Равновесию есть этому туманное объяснение. В Богов верят только люди. Животные слишком умны, чтобы доверять свою жизнь и судьбу, мистическому легендарному существу извне. Но это уже мое наблюдение.

– Это не дает прямого ответа на вопрос, – заметил Аврил, убирая ключ в карман своей залатанной одежды, – А ваш практичный подход к решению данной проблемы не делает вам чести.

– А, слепая вера, делает?

– Атеизм, как и вера, должны подтверждаться опытным путем, – пожал плечами Аврил, потянув тугую дверь на себя, – Иначе все это – сказки бродячего философа.

– Церковь Атеизма возникла после того, как Боги были убиты.

– Если мы чего-то не видим, это не значит, что этого нет.

Я прошел в образовавшийся узкий проход, обернулся к Аврилу.

– Вы верите в Богов?

– Я не верю в Богов в их классическом понимании, – отозвался алхимик, зажигая прикрепленный к стене светильник и беря его в руку, – Просто здесь, я начинаю сталкиваться с такими явлениями, которые простому ученому невозможно объяснить. С любой точки зрения.

– Возможно, нужно объяснять их с магической точки зрения?

– Скорее уж с фаталистической, – хмыкнул Аврил, пропуская меня вперед, – Впрочем, об этом потом. Впереди нас ожидает препараторская, но не волнуйтесь: ваша подруга Илигрид оградила тела зараженных магическим барьером, так что никакого риска подхватить инфекцию, у нас нет. Стоит заметить, что воздушно-капельным путем, Серая Гниль передается только с очень небольшой вероятностью, поэтому и такая мера предосторожности, никому не нужная фикция.

С последними его словами я был абсолютно не согласен, увидев, во что превращает людей отсутствие такой ненужной фикции, как защита от заражения, но вслух не сказал ничего. Аврил отворил вторую дверь в конце короткого коридорчика, выведя нас по мелким ступеням в широкий подземный зал, где было холодно, где пахло мятой, где покоилась на столах половина десятка изувеченных и искаженных трупов. Видимо, прозекторскую оборудовали в самые кратчайшие сроки, что сказалось на отсутствии необходимого оборудования и техники. Вместо столов были задействованы ящики и коробки, вместо ламп на стенах, чадили маслянистые факелы, испуская вместо дымного зловония аромат мяты и источая холод вместо тепла. Не иначе, чем работа Илигрид, с ее любовью к колдовским фокусам. Вместо алхимического оборудования, красовалась собранная на скорую руку пугающие аналоги, напоминающие какой-то чудовищный механизм Судного Дня.

Аврил перехватил мой взгляд, покосился на подобие оборудования установленное на ящиках и коробках, откашлялся с извиняющимся видом.

– Я приехал слишком поздно. Ваши подопечные, жнецы, уничтожили целый медицинский корпус с дорогостоящей современной техникой, разбираясь с перерожденными. Пришлось собирать все самому. Из того, что было под рукой.

– Хорошая работа. Вы могли бы стать скульптором – сюрреалистом, Аврил. Подумайте об этом, когда вся история с Валенквистом закончится.

Аврил не удостоил меня ответом, проходя мимо импровизированных столов с препарированными мертвецами. Каждое тело закрывала голубая, мягко пульсирующая магическая сфера, сделанная, словно из хрупкого стекла. На самом деле, такой барьер мог выдержать не только удар меча, но и вытерпел бы прямое попадание метеорита, случись такому рухнуть в этой гнилой глуши. Магические барьеры – чертовски мощное заклинание, нарисованное или высеченное, прямо на плоти колдуна. Такие руны нуждаются в постоянной поддержке чародейской силы, и оттого, слишком затратны для постоянного использования. Такие руны не накладываются просто так. Опасность, должна быть, действительно колоссальной.

Больше, чем магические экраны, меня привлекли изуродованные вскрытые тела несчастных. Раздутые, обрюзгшие, текущие вязкой слизью, их кожу покрывали уродливые наросты и уплотнения, вперемешку с разверстыми язвами и сочащимися ранами. Вместо лиц у них красовалось багрово-синее месиво, состоящее сплошь из сыпи и фурункулов, тщательно вскрытых и прижженных раскаленным железом. В мертвецах перед нами, с огромным трудом можно было бы различить нечто человеческое.

Я немало повидал ужасов, за годы работы в Церкви, но вид этих несчастных бросал в дрожь. Представить себе такое существо идущим на тебя, казалось настоящим нелепым бредом.

А, ведь, с пандемониусами жнецы уже встречались в Валенквисте. И это было только начало. Аврил остановился у крайнего тела, указал пальцем на труп с сухим профессиональным интересом.

– Серая Гниль поражает внутренние органы зараженного с таким же успехом, как поражает и внешние покровы. Таким образом, за самый краткий срок, буквально, за несколько часов, после инфицирования, человек превращается в... – он многозначительно указал на труп перед собой.

– В гниющую гору мяса, – закончил я мрачно, с трудом различив дугообразный разрез поперек раздутого горла мертвеца. Края раны успели оплыть и почернеть. Кто-то из жнецов не так давно столкнулся с пандемониусом в открытом бою.

– И это не самое страшное, – вздохнул Аврил, уводя меня прочь от обезображенных тел, – Самое страшное заключено в следующем. Вы обратили внимание на мух?

– На мух? Вы имеете в виду насекомых? Я знаю, что они тоже являются носителями инфекции.

– Этого мало. Самое главное, это то, что мухи обитают внутри этих самых пандемониусов, или как вы их там именуете в Церкви? Они откладывают личинки в гниющее, но еще живое тело зараженного, пока тот, в своей агонии, испытывают эйфорию и неземное блаженство. Болезнь поражает нервные центры головного мозга, обеспечивая выброс огромных доз серотонина в кровь несчастного, отчего тот не ощущает ни страха, ни боли. Мухи используют тела мертвецов, как инкубатор, даже тогда, когда происходит перерождение. Пандемониусы лишены рассудка, но могут исторгать из себя целые сонмы переносчиков Гнили. Или, как вы думали, отчего тела зараженных сжигаются? Как раз для того, чтобы остановить распространение роя.

Я содрогнулся, представив себе чудовищную участь, которой подвергаются несчастные.

– Об этом мне ничего не было известно. Черт, и зачем вы только мне об этом рассказали...

– Кто предупрежден, тот вооружен, – вздохнул Аврил с сожалением, – Поэтому, опасайтесь этих надоедливых насекомых. Они не так безобидны, как кажутся.

– Аврил, послушайте, – произнес я, когда мы оставили нижний этаж прозекторской, поднимаясь по лестнице в цокольную часть, – Зачем вы искали встречи со мной? Зачем рассказали все это? Думается мне, не каждому из жнецов, вы устраиваете анатомический театр в Валенквисте.

– Я рассказал вам об этом, – сухо сказал алхимик, обернувшись через плечо, – Потому, что не желаю препарировать на этих вот ящиках, в этом самом морге, ваше раздутое и искаженное болезнью тело, где ваши внутренности будут полны личинок, а по венам будут ползать жирные гнилостные мухи. Я предупредил вас об опасности с согласия Мэллы. Мы давно с ней знакомы, так что за ней остался некоторый должок.

– О чем это вы?

– А вы еще не поняли? Я же рассказывал вам о Харгдольфе, помните? Вы не знали, что это Мэлла была отправлена Церковью на разрешение проблемы с Мором тридцать лет назад? Или, вы думаете, почему, ее отправили в Валенквист сейчас, а?

Я чертыхнулся, проклиная себя за неумение сложить два простых куска головоломки в одну общую картину.

– Что же, суть мне ясна. Но, зачем я здесь?

– Мне нужна помощь, Кайетан, – отозвался Аврил, отпирая очередную оббитую железом дверь, – Как и любому в этом городе. Мне стало известно, что вам предстоит совершить вылазку в город. Это дорого стоит. Мне нужна помощь такого человека, которому я могу доверять, а вы мне не кажетесь полным гнили. Простите за каламбур.

– Ваша подруга, чародейка Илигрид, – повествовал Аврил, пропуская меня в главную залу прозекторской, которая являлась, одновременно, апартаментами алхимика с его ученицей и воспитанницей, – Уже дала согласие помочь мне, когда я посвятил ее в свои труды. Она

прекрасный человек, которого вы должны оберегать от всех бед, которые встретятся вам в шахтах Валенквиста. Но, обо всем по порядку.

Я промолчал, мысленно послав к чертям и Аврила, и Илигрид, и Мэллу, и отчего-то Гранда. Шахты Валенквиста? О чем это он?

В комнате находилось двое. Ланиэль, как всегда, замкнутая и молчаливая, листала толстенный том, разложенный на заваленном различным хламом столе, Илигрид корпела над миниатюрным верстаком по изготовлению рун. Ее белые одежды, белая кожа, белые волосы казались чем-то нереальным и ангельски чистым в этом полном грязи и крови месте. Девушка была целиком сосредоточена на работе, так что не заметила нашего появления. Я был этому несказанно рад, и желал, как можно скорее ретироваться в дальний угол комнаты, подальше, от обиженной чародейки, но Аврил придержал меня за локоть.

– Собственно, моя проблема заключена в следующем, – продолжил он, совершенно не обращая внимания на мои попытки высвободиться, – Я изучаю Серую Гниль большую часть своей жизни. Я проводил опыты, отправлялся в соседние страны, проводил опыты и эксперименты, в попытках найти хоть какое-то лекарство от этой чудовищной болезни, но единственное, что мне удалось выяснить, Серая Гниль не может существовать в мертвом теле. Выжженные заражением кварталы, откуда были изъяты все тела, снова готовы к заселению. Гниль уходит, но только на время. Пройдет несколько лет, может быть века, может быть тысячелетия или месяцы, но мор снова явится из этих земель. Серую Гниль невозможно победить, потому, что от нее нет никакого лекарства. Стены обеззараженных строений покрываются красной, отвратительной субстанцией, некой органической массой, вывести которую не так-то просто. Назовем ее слизью. Она, конечно, неприятна, но гарантирует полную безопасность. Это знание понадобится в вашем походе, Кайетан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.